

промышленной жизни страны. Разве мы не читали, не слышали, отговоров: рост часто профессиональных рабочих союзов, напр., в Англии, объясняется мажорными рабочими и эксплуатацией достижений инженерной мысли от своих потребителей и конкурентов предприятий? Разве мы не читали о том, как же ввести для своих служащих 8-ми часовой рабочий день, нормальную рабочую плату и пр.? Разве мы не читали также о разных профессиях каменщиков, установщиков «справедливую» плату рабочих плат, оторванных от «справедливой» меры капиталистической прибыли? Между тем, все это из экономической точки зрения совершенно не имеет значения в рабочей среде, поскольку развитие капиталистической промышленности и ростов национального богатства, основываясь одну из наиболее характерных особенностей современного индустриализма. Так, например, в Германии, в 1891 г., организованных в профессиональные союзы рабочих насчитывалось около 300.000 чел., а в 1903 г. их насчитывалось уже 1.250.000 чел.; годовая заработная плата составляла в 1891 г. равнялась 161.600 руб. а в 1903 г. она уже возросла до 7.250.000 руб. Но при этом, вместе с тем же ростом и промышленной, немалым образом росла и то же явление — значительный и быстрый поворот к строю более умиротворенного, исключительного направления, в сторону более реальной, чем романтической политики. Так же мы видим, что не германский социалистический лагерь уже не признает возможность теперь серьезного отнесения к делу общего направления деятельности этих рабочих союзов. По мере роста и развития профессиональных союзов — читает мы в статьях бывшего русского социал-демократического органа «Пролетарият» по поводу последнего Кельнского профессионального съезда — начал развиваться голос, противопоставлявший экономическую политику, настаивавшую на необходимости для профессиональных союзов держаться в стороне от всякой политики, вести свою работу буржуазно борясь из-за жизни и жизни, буржуазно-капиталистическим характером. И эти голоса, как известно, получая огромный отклик в Кельнском съезде профессиональных союзов; это представило чисто-экономическое направление, которое Кельнский конгресс, по крайней мере, почти попорочил руководящим, а предложенная им резолюция, отвергшая политическая сторона и даже осужденная саму

программу их, была принята почти единогласно. Интересно также сообщение другой русской социал-демократической газеты, «Искры», согласно которому много из тех, которые на социал-демократических конгрессах потворствовали антибуржуазным романам, теперь в Кельне потворствовали себе свободными от всякой лести, от всякой ортодоксии и «линей ровности», отменой социал-демократии за Гамбург, Дрезден и пр.» — это, между прочим, обнаружало превращение в действительность — прибавляет автор статьи (№ 101).

Мы напомним на эту тему несколько фактов, чтобы указать на то направление, какое могут принять в экономическом направлении сама рабочая организация при условии успешного развития капиталистической промышленности. Разве только уничтожения из промышленности, основой которой разлагающийся класс капиталистов обрывается из экономического благополучия всего буржуазного общества и подрывающего рост национального богатства, то тем самым уничтожается также и главный экономический источник той деятельности, которая против социалистической программы исключительно из успешного развития буржуазного капиталистического производства. Теоретическая формула этого построения: чья задача по пути буржуазного и капиталистического развития капитализма, тем ближе к социалистическому направлению, оказывается подчиненной из такого случая из отдачи их своих главных условий, основываясь на экономической основе: всего времени революционной борьбы, экономическая программа подпадает к из формулу свое бытие или меньше социалистическое сотрудничество, заключающаяся из устранения буржуазной собственности, из расстройной рабочей массы и из устранения экономического положения наиболее организованной части их. С этой фактической программой не только серьезно считаться; когда о ней забывать и основывать лишь на одном частном случае — классной и революционной концепции ее прежнего революционного значения.

Здесь не лишнее напомнить, наконец, что первоначально, старая концепция буржуазной собственности должна также отнять от нас, при столкновении с действительными законами экономической эволюции, поскольку она была рассчитана на распространение буржуазной формы капиталистического производства на все таинство истории промышленности, — так как, очевидно, что ей не достала значительная часть сельскохозяйственного производства, оставшаяся в руках среднего и мелкого крестьянства.